

На правах рукописи

А. Шаталов

Шаталов Андрей Валериевич

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОРИНФА, МЕГАР И
СИКИОНА В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание

ученой степени кандидата исторических наук

Ставрополь – 2010

Работа выполнена в Тульском государственном педагогическом
университета им. Л.Н. Толстого

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Зубарев Виктор Геннадьевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Строгецкий Владимир Михайлович

кандидат исторических наук, доцент
Можайский Андрей Юрьевич

Ведущая организация: Белгородский государственный университет

Защита состоится «18» июня 2010 г. в 12 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 212.256.03 в Ставропольском государственном университете по адресу: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ставропольского государственного университета.

Автореферат разослан «___» мая 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Краснова И.А.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одним из приоритетных направлений современного антиковедения является изучение проблем развития античного полиса и специфики его региональных вариантов. Об этом свидетельствует ряд защищенных диссертаций и опубликованных монографий по истории отдельных полисов и регионов Эллады: Беотии, Эгины, Мегалополя, Ионии, Фессалии, архаических Мегар и др. Данного рода тенденция делает актуальным настоящее диссертационное исследование, посвященное политической истории Коринфа, Мегар и Сикиона в классическую эпоху.

К этому необходимо добавить и то обстоятельство, что в советской исторической науке большее внимание уделялось изучению проблем социально-экономического развития греческих общин, тогда как политической истории придавалось второстепенное значение.

Тема исследования позволяет по новому взглянуть на основные проблемы политической истории классической Греции, не с традиционной позиции Спарты и Афин, а со стороны Коринфа, Мегар и Сикиона, так как эти общины зачастую играли важную роль в межполисных отношениях, а их политика во многом определяла развитие последующих событий эллинской

истории.

Объектом исследования являются полисы, расположенные в зоне Истмийского перешейка – Коринф, Мегары и Сикион.

Предметом исследования является политическая история этих полисов в классическое время. Под политической историей Приистмийских полисов мы понимаем не только проводимую ими внутреннюю и внешнюю политику, а именно, характер политической власти, структуру и полномочия основных магистратур, взаимоотношения Коринфа, Мегар и Сикиона между собой, с другими полисами и соседними государствами, но и взаимовлияние внутренней и внешней политики.

Хронологические рамки исследования охватывают временной отрезок приблизительно с середины VI в. до н.э. и до 338 г. до н.э. Нижняя дата захватывает период архаики, так как именно в это время сложились факторы, прямо повлиявшие на внутреннюю и внешнюю политику Коринфа, Мегар и Сикиона в классический период. Верхняя дата определяется завершением периода самостоятельного развития Приистмийских полисов, в связи с вхождением их в состав Македонской державы Филиппа II и потерей независимости.

Территориальные рамки исследования. В работе рассматривается история трех полисов, занимавших территорию Истмийского перешейка и примыкающего к нему района северо-восточного Пелопоннеса. Помимо этого, вовлекается обширный материал других полисов и государств, расположенных в Балканской Греции (Афины, Спарта, Фивы, Аргос, Эгина, Македония и др.), Малой Азии, Эгеиде и Пропонтиде (Милет, Самос, Византий, Калхедон, держава Ахеменидов), Великой Греции и на Иллирийском побережье (Сиракузы, Керкира, Эпидамн и др.), отношения

которых с Приистмийскими полисами представляется возможным проследить в указанный исторический период.

Степень научной разработанности темы. Различные проблемы истории Коринфа, Мегар и Сикиона не раз привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей и нашли свое отражение как общих трудах по истории Греции, так и в специальных работах. Первые попытки создания очерков по истории этих полисов относятся к XIX в.¹ На рубеже XIX – XX вв. появляется ряд исследований, авторы которых затрагивают проблемы топографии, мифологии, религии и государственного устройства Приистмийских полисов². Наиболее подробно все эти сюжеты были изложены в работах Ч. Скэлета³ по истории Сикиона от эпохи неолита до римского времени включительно, Е. Хайбаргегра⁴ по истории Мегар и Дж. О' Нила⁵, посвященная истории Коринфа с древнейших времен до конца Пелопоннесской войны. При всей значимости этих трудов, стоит отметить и наличие ряда существенных недостатков. Помимо присущего всем авторам не достаточно критичного отношения к источникам, крайне слабо используется археологический и эпиграфический материал.

Заметной вехой в историографии, не потерявшей своего значения и поныне, являются довольно пространные и основательные статьи немецких

¹ Girard J. De Megarensium ingenio. Paris, 1854; Hagen E. Sicyonia. Königsberg, 1831; Reinganum H. Das alte Megaris. Berlin, 1825. В настоящее время все эти работы являются библиографической редкостью.

² Benson E.F. Aegosthena // The Journal of Hellenic Studies. – 1895. – Vol. 15. – P. 314 – 324; Odelberg P. Sacra Corinthia, Sicyonia, Phliasia. Upsala, 1896; Lübbert Edw. Diatriba in Pindari locum de Adrasti regno Sicyonio. Bonn, 1884; Hudson-Williams T. Theognis, Theagenes and Megara // The Journal of Hellenic Studies. – 1903. – Vol. 23. – P. 1 ff.

³ Skalet C.H. Ancient Sicyon with a prosopographia Sicyonia. Baltimore, 1928.

⁴ Highbarger E.L. The history and civilization of ancient Megara. Baltimore, 1927.

⁵ O' Neill J.G. Ancient Corinth with a topographical sketch of the Corinthia. Pt. 1. From the earliest times to 404 B.C. Baltimore, 1930.

историков Т. Леншау⁶, Ф. Гейера⁷ и Эд. Мейера⁸, опубликованные в реальной энциклопедии Паули-Виссоны. Значительным шагом в изучении государственного строя и общественной организации Мегар стала книга К. Ганеля⁹. Французским исследователем Эд. Виллем в его фундаментальном труде «*Korinthiaka*»¹⁰ обстоятельно рассматривается история Коринфа с древнейших времен до конца архаической эпохи. Для нашего исследования наибольший интерес вызывает последняя глава (с. 607 – 663), посвященная изучению проблем внутренней и внешней политики Коринфа после падения тирании Кипселидов.

К числу наиболее значительных трудов по мегарской, коринфской и сикионской истории, появившихся в последние десятилетия, относятся работы Р. Легона¹¹, Дж. Сэлмона¹² и О. Гриффина¹³, в которых большое внимание уделяется процессу становления полисов, их связям с соседними государствами, событиям внутривосточной истории, социально-экономического развития, а также колонизационной деятельности.

Помимо комплексных исследований, существенный историографический пласт составляют работы, в которых анализу подверглись отдельные проблемы истории Приистмийских полисов. Особенности географического положения и топографии древних Коринфии и

⁶ *Lenschau Th.* Korinthos // Pauly's Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. – 1924. – Suppl. 4. – Sp. 976 ff.

⁷ *Geyer F.* Sikyon, Sikyonia // Pauly's Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. – 1923. – Bd. 2. – Hbbd. 4. – Sp. 2535 ff.

⁸ *Meyer E.* Megara // Pauly's Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. – 1931. – Bd. 15. – Hbbd. 29. – Sp. 152 ff.

⁹ *Hanell K.* Megarische Studien. Lund, 1934.

¹⁰ *Will Ed.* Korinthiaka. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres médiques. Paris, 1955.

¹¹ *Griffin A.* Sikyon. Oxford, 1982.

¹² *Legon R.P.* Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Oxford, 1981.

¹³ *Salmon J.B.* Welthy Corinth: A History of the City to 338 B.C. Oxford, 1984.

Мегариды рассмотрены в работах Дж. Вайсмана и А. Мюллера¹⁴. Проблемам коринфской колонизации и его взаимоотношениям со своими многочисленными колониями, посвящена большая глава в монографии американского ученого А. Грэхэма¹⁵. Из других работ, следует назвать многочисленные статьи, посвященные «Мегарской псефизме» (А. Френч, П. Готье, Д. МакДональд, Ф. Стэдтер и др.)¹⁶ и раннегреческой тирании на Истмийском перешейке (А. Уст, Г. Берве)¹⁷. Проблемы участия Коринфа, Мегар и Сикиона в Пелопоннесской войне изучались Д. Кэгеном, Р. Де Сте Круа, Р. Сили и Т. Виком¹⁸. Ч. Гамильтон, Д. Кэген и Дж. Гриффин исследовали особенности внешней политики Коринфа во время Коринфской войны¹⁹.

Наиболее изученными в отечественной историографии являются, пожалуй, лишь проблемы архаической истории Мегар и Коринфа. Здесь следует отметить статью М.В. Ботвинника о древнейшем прошлом Мегариды²⁰, монографию Л.А. Пальцевой «Из истории архаической Греции:

¹⁴ Wiseman J. The Land of the ancient Corinth. Göteborg, 1978; Muller A. Megarika XII – XIV // Bulletin de correspondance helléniques. – 1984. – Т. 108. – P. 249 – 266.

¹⁵ Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. P. 118 – 154.

¹⁶ Из множества работ назовем наиболее существенные: French A. The Megarian Decree // Historia. – 1976. – Bd.25. – Ht.2. – S. 245 – 249; Gauthier P. Les ports de l'empire et l'agora athénienne: a propos du décret mégarien // Historia. – 1975. – Bd.24. – Ht.3. – S. 498 – 503; MacDonald B.R. The Megarian decree // Historia. – 1983. – Bd. 32. Ht.3. – S. 385 – 410; Stadter Ph. Plutarch, Charinus and the Megarian decree // GRBS. – 1984. – Vol. 25. – P. 351 – 372.

¹⁷ Oost S.I. 1) The Megara of Theagenes and Theognis // CPh. – 1973. – Vol. 68. – P. 186 – 196; 2) Two Notes on the Orthagorids of Sicyon // CPh. – 1974. – Vol. 69. – P. 118 – 121; Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.

¹⁸ Kagan D.: 1) The Outbreak of the Peloponnesian War. – Ithaca, 1969; 2) The Archidamean War. – Ithaca, 1974; 3) The Fall of the Athenian Empire. – N.Y., 1987; Ste Croix G.E.M. de. The Origins of the Peloponnesian War. N.Y., 1972; Sealey R. The Cause of the Peloponnesian War // ClPh, 70, 1975. P. 89 – 109; MacDonald B.R. The Import of Attic pottery to Corinth and the Question of trade during the Peloponnesian War // The Journal of Hellenic Studies. – 1982. – Vol. 102. – P. 113 – 123; Wick T. Megara, Athens, and the West in the Archidamian War: A Study in Thucydides // Historia. – 1979. – Bd. 28. – Ht.1. – P. 1-14.

¹⁹ Griffin G.T. The Union of Corinth and Argos (392 – 386 B.C.) // Historia. – 1950. – Bd. 1. – Ht. 2. – S. 236 – 256; Hamilton C.D.: 1) The Politics of Revolution in Corinth, 395 – 386 B.C. // Historia. – 1972. – Bd. 21. – Ht. 1. – P. 21 – 37; 2) Sparta's Bitter Victories: Politics and Diplomacy in the Corinthian War. – Ithaca; London, 1979; Kagan D. Corinthian Politics and the Revolution of 392 B.C. // Historia. – 1962. – Bd. 11. – Ht. 4. – P. 447 – 457.

²⁰ Ботвинник М.Н. Из древнейшей истории Мегар // Учен. зап. Ленингр. ун – та. № 251. Сер. истор. наук. Вып. 28. 1958.

Мегары и мегарские колонии», в которой рассматривается широкий круг вопросов внутренней и внешней политики Мегар с древнейших времен до середины VI в. до н.э.²¹, диссертацию И.П. Павловской о формах правления в архаическом Коринфе²². Также необходимо упомянуть статью Т.Ф. Новиковой о раннегреческой тирании на Истмийском перешейке²³. Вопросы политического развития Коринфа, его внутренняя и внешняя политика, главным образом, архаического времени, исследуются в диссертации и серии статей С.М. Жестоканова²⁴.

Несмотря на то, что история Коринфа, Сикиона и Мегар классического периода не становилась предметом специального изучения в отечественной историографии, все же многие проблемы исследовались под различными углами зрения. В.М. Строгоцкий в нескольких своих публикациях рассматривал взаимоотношения Коринфа, Мегар и Сикиона со Спартой и Афинами во время пентеконтаэтии, а также подробно разбирает обстоятельства вступления Приистмийских полисов в Пелопоннесский союз и их положение в данном объединении²⁵. Л.Г. Печатнова, также изучала вопросы взаимоотношений Коринфа, Мегар и Сикиона со Спартой в VI – V вв. до н.э.²⁶ Э.Д. Фролов в работе, посвященной истории Греции в эпоху

²¹ Пальцева Л.А. Из истории Архаической Греции: Мегары и Мегарские колонии. СПб., 1999.

²² Павловская И.П. Формирование аристократической и тиранической форм правления в Коринфе в середине VIII – начале VI вв. до н.э.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2001.

²³ Новикова Т.Ф. Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке // Вестник древней истории. – 1965. – № 4. – С. 112 – 123.

²⁴ Жестоканов С.М.: 1) Архаический Коринф: (Проблемы социально-политической истории): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 1991; 2) Установление тирании в Коринфе // Вестник Ленинградского Университета. Сер. 2. Вып. 1. – Л., 1991. – С. 18 – 21; 3) Внутренняя политика Кипселидов при Периандре // Античный полис. Межвузовский сборник. СПб., 1995. С. 53 – 61; 4) Политическое устройство Коринфского полиса после свержения тирании Кипселидов // Проблемы античной истории. – СПб, 2003. – С. 66 – 72; 5) Организация гражданской общины в Коринфе // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. – СПб., 2007. – С. 73 – 79; 6) Коринф и Спарта: старые союзники на грани войны // История. Мир прошлого в современном освещении. – СПб., 2008. С. 143 – 151.

²⁵ Строгоцкий В.М.: 1) Возникновение и структура Пелопоннесского союза // Из истории античного общества. – Горький, 1975. – С. 3 – 39; 2) Полис и империя в классической Греции. – Н. Новгород, 1991; 3) Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н.э. (478 – 431 гг.). – СПб., 2008.

²⁶ Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). – СПб., 2001.

поздней классики, обращался к истории поздней тирании в Сикионе и Коринфе²⁷. А.И. Доватур и И.Е. Суриков исследовали проблему «Мегарской псефизмы» и ее значения в нагнетание напряженной обстановки перед Пелопоннесской войной²⁸.

Итак, проделанный анализ позволяет сделать следующий вывод. Главной особенностью историографии Приистмийских полисов является отсутствие в отечественной науке антиковедения не только обобщающего труда по истории региона, но и специальных исследований, посвященных проблемам политического развития Коринфа, Мегар и Сикиона в эпоху классики.

Источниковая база работы. Основными источниками исследования выступают произведения античной письменной традиции, а также материалы археологических исследований, включая эпиграфику и нумизматику.

Из богатой письменной традиции в диссертации были использованы: произведения древних историков (Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Диодора Сицилийского, Оксиринхского историка и др.); труды античных писателей – авторов биографического жанра, географов, путешественников римской эпохи (Корнелия Непота, Плутарха, Страбона, Павсания, Псевдо-Скилака и др.); речи греческих ораторов конца V–IV вв. до н.э. (Андокида, Лисия, Исократа, Демосфена и др.); произведения древнегреческой драматургии и поэзии (стихи мегарского поэта Феогнида, комедии Аристофана, оды Пиндара); труды древнегреческих и византийских философов и ученых, в которых можно почерпнуть ценные сведения, характеризующие тот или иной политический строй, а также указания на отдельные события политической

²⁷ Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). – СПб., 2001.

²⁸ Доватур А.И. Фукидид и мегарская псефизма Перикла // Вестник древней истории. – 1982. – № 1. – С. 71 – 84; Суриков И.Е. Попытка торговых санкций в классической Греции: Мегарская псефизма Перикла и её последствия // Торговля и торговец в античном мире. – М., 1997. – С. 87 – 101.

жизни в Коринфе, Мегарах и Сикионе (Платона, Аристотеля, Дидима, Иоанна Цеца и др.).

Большое значение при воссоздании истории Приистмийских полисов в классический период имеют данные археологии и топографии, так как эти сведения часто помогают понять те или иные политические действия, известные нам по сообщениям античных авторов. Для нас наиболее важными являются археологические свидетельства о размерах и местоположении городов и поселений, расположенных в зоне Истмийского перешейка, их оборонительных сооружениях, времени возникновения и назначения. Кроме того, нам важны сведения об античных дорогах и топографических особенностях северо-восточного Пелопоннеса и Истмийского перешейка.

Важнейшей группой источников являются данные античной эпиграфики. Главным образом, это греческие надписи, обнаруженные как на территории Коринфа, Мегар и Сикиона, так и других античных центров – Афин, Дельф и т.д. Эпиграфические источники включают в себя: государственные декреты и договоры, надгробные, посвятельные и строительные надписи, списки граждан и т.д.²⁹ Являясь уникальным свидетельством античности, эпиграфический материал существенно дополняет письменную традицию, помогает лучше понять процессы, происходившие в Приистмийских полисах, и точнее реконструировать исторические события.

Последняя группа источников – данные нумизматики. Эти источники представлены коллекциями серебряных и медных коринфских, сикионских и мегарских монет, выпущенных в классическое время. По ним мы можем

²⁹ См.: *Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. IV, VII. Berlin, 1913 – 1924; Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Editio tertia. Bd. I – IV. Lipsiae, 1915 – 1924; Meiggs R., Lewis D. A Selection of greek Historical Inscriptions to the end of the 5th Century B.C. Oxford, 1969; Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. I – II. Oxford, 1946 – 1948.*

судить об экономическом, а иногда, и политическом состоянии полиса. Наиболее ценные сведения о монетах и монетном деле Приистмийских полисов можно почерпнуть из работ Э. Бабелона, Б.В. Геда, П. Гарднера, А.Н. Зографа³⁰.

Методологической основой исследования является принцип комплексного подхода к источникам, выражающийся в сочетании письменной традиции с археологическими данными, в том числе эпиграфики и нумизматики. К тому же исследование проводилось в соответствии с принципами историзма, что выражается в последовательном изложении событий и их максимально возможного объективизма в реконструированной картине далёкого прошлого.

Выбор конкретных методов обусловлен спецификой и особенностями используемых источников. Основным методом данного исследования является метод анализа источника с обязательной критикой его содержания. При этом для реконструкции картины политических процессов в Коринфе, Мегарах и Сикионе использовались не менее важные историко-сравнительный и историко-реконструктивные методы. В совокупности с комплексным подходом к источникам это максимально способствовало достижению поставленной цели и задач исследования.

Цель диссертационной работы. Используя максимально широкий круг источников по истории классической Греции, и учитывая достижения историографии проследить эволюцию внутривосточного и внешнеполитического развития полисов Коринфского перешейка в

³⁰ *Babelon E.* Traité des monnaies grecques et romaine. T. I. Paris, 1907. P. 778 – 811, 816 – 821; *Gardner P.* A History of Ancient Coinage 700 – 300 B.C. Oxford, 1918. – P. 134 – 140, 358, 367 – 387; *Head B.V.* Historia Numorum, A Manual of Greek Numismatics. Oxford, 1887. – P. 329 – 331, 334 – 341, 345 – 347; *Зограф А.Н.* Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР, 16. М., Л., 1951.

классическое время. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд конкретных задач:

1. Определить факторы, влиявшие на внутривполитический и внешнеполитический курс Приистмийских полисов в классическую эпоху.
2. Выявить особенности политического строя Коринфа, Мегар и Сикиона их общие и отличительные черты.
3. Реконструировать политические процессы, протекавшие в регионе в указанный период.
4. Исследовать основные направления и эволюцию внешней политики Коринфа, Мегар и Сикиона как по отношению друг к другу, так и к другим греческим полисам и соседним государствам.
5. Определить место и роль Приистмийских общин в ключевые моменты греческой истории классического времени.

Научная новизна диссертации. Научная новизна диссертационной работы, прежде всего, состоит в том, что впервые в отечественной историографии делается попытка создания обобщающего исследования по истории полисов Приистмийского региона в классическое время. Кроме того, в диссертации рассматриваются также конкретно-исторические аспекты развития Коринфа, Мегар и Сикиона, которые не были предметом анализа в специальной литературе или рассматривались недостаточно полно: причины утверждения к середине VI в. и длительного существования здесь олигархической формы правления; политическое устройство Сикиона после падения тирании Орфагоридов; взаимоотношения Коринфа, Мегар и Сикиона с Македонской державой Филиппа II и др. Показана динамика внешнеполитического развития Приистмийских полисов в V – IV вв.

до н.э. Также, переосмысливается роль Коринфа, Мегар и Сикиона в межполисных отношениях на всем протяжении классической эпохи. Помимо этого, в диссертации реконструируются многие малоизвестные события политической истории Приистмийских полисов в классическую эпоху, и уточняется их хронология.

Практическая значимость работы. Материалы и выводы диссертации представляют интерес для специалистов в области античной истории и археологии. Они могут быть использованы преподавателями истории древнего мира в учебном процессе на исторических факультетах, при разработке спецкурсов, студентами при подготовке к семинарским занятиям в рамках тем по истории античной Греции.

Основные положения, выносимые на защиту, сводятся преимущественно к следующему:

1. Существенное влияние на политическое развитие Коринфа, Мегар и Сикиона в классический период оказали ряд факторов: во-первых, географический, т.е. расположение полисов, занимающих стратегически важный район пересечения основных сухопутных и морских путей, соединяющих различные части Греции; во-вторых, внешний фактор, т.е. влияние в разное время третьих политических сил в лице других полисов и государств, прежде всего Спарты, Афин, Аргоса, Фив, державы Ахеменидов и Македонии.

2. Главной особенностью внутривнутриполитического развития Приистмийских полисов являлась относительная стабильность политической власти, выражавшаяся в длительном существовании здесь прочных олигархических политических режимов, сохранявшихся с некоторыми изменениями, вплоть до 40-ых – 30-ых гг. IV в. до н.э. Вместе с тем,

политический строй не был статичным, а изменялся под действием внешних и внутренних факторов.

3. В Приистмийских полисах к началу классической эпохи сложилась особая система государственных органов и полисных магистратур, несколько отличающаяся от наиболее известных нам примеров Афин и Спарты. В Коринфе и Мегарах при олигархическом Совете существовала специальная выборная коллегия (в Коринфе – пробулы, в Мегарах – эсимнеты), которая фактически разрабатывала, подготавливала и проводила через Совет все законодательные акты полиса.

4. Важнейшим стратегическим внешнеполитическим партнером Коринфа, Мегар и Сикиона в классическую эпоху являлся Спартанский полис. Отношения Приистмийских общин со Спартой были одним из главных направлений их внешней политики, долгое время определявшие и внутривластическое развитие Коринфа, Мегар и Сикиона.

5. Политика Приистмийских полисов по отношению друг к другу отличалась непостоянством, подвергаясь время от времени изменениям и корректировке (от мирных, союзных и дружественных связей до вооруженной борьбы между собой). Это объясняется большой разобщенностью греческих общин, и тем что зачастую правительства этих полисов руководствовались исключительно своими собственными интересами.

6. События в Приистмийских полисах в V – IV вв. до н.э. были тесным образом связаны со всеми значительными событиями и процессами, происходившими в Греции в указанный период.

7. Из полисов, расположенных в Приистмийском регионе, лидирующее положение в классическое время, в силу более выгодного

географического положения, величины территории и густонаселенности, занимал Коринф. К середине IV в. до н.э. Коринфский полис утрачивает ведущие позиции среди городов классической Греции, еще раньше, приблизительно на рубеже V – IV вв. до н.э. с арены большой эллинской политики уходят Сикион и Мегары.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы отражены в 7 публикациях, и изложены автором на следующих научных конференциях: XIV Всероссийских чтениях студентов, аспирантов и молодых ученых «XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки» в Тульском государственном университете, III и IV региональной научно-практической конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых «Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого, II Всероссийской и IV Международной научно-практической конференции «Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований», II Международный научный семинар молодых ученых, аспирантов, студентов «Классическая и византийская традиция. 2008» в Белгородском государственном университете.

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых содержит по три параграфа, заключения, списка используемой литературы и источников, списка используемых сокращений и приложения, в котором содержится карта.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность и новизна исследуемой темы,

определяются объект, предмет, цель, задачи, теоретико-методологическая основа, хронологические и территориальные рамки исследования, охарактеризованы степень научной разработанности, источниковая база, теоретическая и практическая значимость диссертации, а также приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе «Приистмийские полисы во второй половине VI – первой четверти V вв. до н.э.» рассматривается комплекс проблем политической истории региона в конце архаической эпохи, так как именно тогда сложились факторы, которые оказали существенное влияние на политику Коринфа, Мегар и Сикиона в классический период.

Первый параграф посвящен исследованию особенностей географического положения и природных условий Приистмийских полисов. В работе отмечается, что эти полисы занимали уникальный регион Эллады. Во-первых, они располагались в зоне Истмийского перешейка, через который проходят все сухопутные пути, соединяющие полуостров Пелопоннес с другими районами центральной Греции. Помимо этого, главной отличительной особенностью Коринфии и Мегариды была возможность выхода сразу к двум морям – Эгейскому и Ионическому. На берегах Саронического и Коринфского заливов этих морей располагались главные мегарские и коринфские гавани и порты – Нисея, Паги, Эгосфены, Кенхреи и Лехеи, посредством которых осуществлялись связи между Западным Средиземноморьем и Эгеидой. Таким образом, район Истма представлял собой важнейший транспортный узел, так как здесь пересекались все основные сухопутные и морские пути античной Греции. Такое географическое положение во многом предопределило судьбу жителей Коринфа, Мегар и Сикиона, которые были вовлечены во всевозможные

процессы, и в первую очередь политические, протекавшие в Элладе в классическую эпоху.

Природные условия, а также географическое положение обусловили и экономическое развитие Приистмийских полисов. Гористая местность, небольшой фонд пригодных для возделывания земель, в сочетании с густонаселенностью территории и доступом сразу к двум морям способствовали развитию в Коринфе, Мегарах и Сикионе ремесленного производства и посреднической торговли, что позволило им стать наиболее развитыми торгово-ремесленными полисами Греции.

В то же время, несмотря на относительную схожесть условий, Коринфский полис занимал доминирующее положение в регионе, так как он контролировал самый узкий участок перешейка и обладал большим по сравнению с Мегарами и Сикионом земельным фондом и населением.

Во **втором параграфе** «Коринф, Мегары и Сикион в конце архаической эпохи: политический строй и внешняя политика» рассматривается комплекс вопросов, связанных с политическим развитием Приистмийских общин во второй половине VI в. до н.э., определяется форма правления, особенности строения государственных органов и полисных магистратур, а также основные направления внешней политики Коринфа, Мегар и Сикиона в указанный период. К середине VI в. до н.э. (в Коринфе и Мегарах несколько раньше) в Приистмийских полисах прочно установился олигархический политический режим. Ведущее положение в политической жизни полисов, наряду с аристократическим сословием, заняла верхушка торгово-ремесленных слоев, составив тем самым правящую элиту. Длительное существование олигархических режимов, позволяет предположить, что они носили умеренный характер. К этому времени можно

отнести и окончательное формирование главных полисных магистратур. Общим для всех полисов являлось сосредоточение всех властных функций в руках олигархического Совета, при низкой роли Народного собрания. Вместе с тем, выявляются и отличительные черты, так в Мегарах основным органом управления и своеобразной дежурной частью Совета была коллегия эсимнетов, тогда как в Коринфе, схожие функции выполняла коллегия пробулов.

Ключевым событием внешней политики Приистмийских полисов конца архаической эпохи стало их вхождение, в созданный под эгидой Спарты, Пелопоннесский союз. По всей вероятности, это произошло не позже середины VI в. до н.э. Обстоятельства и причины вступления в союз были различными. В случаях с Коринфом и Мегарами союзные соглашения заключались под воздействием сложившихся неблагоприятных для этих полисов факторов (внешняя и внутренняя угроза), тогда как Сикиону договор был навязан силой. Характеризуя положение и роль этих полисов в данном объединении, следует отметить что, несмотря на сохранение высокой степени независимости и автономии, Коринф и Мегары, как общины, обладающие военным флотом, занимали более привилегированное положение, нежели Сикион. Главным образом это выражалось в способности коринфян и отчасти мегарян оказывать давление на политику Спарты, преследуя свои собственные интересы.

Утверждение олигархических режимов в Приистмийских полисах и вхождение их в Пелопоннесский союз не только были взаимосвязанными процессами, но и явились важнейшими факторами, повлиявшими на политическое развитие Коринфа, Мегар и Сикиона в классический период.

В третьем параграфе «Приистмийские полисы в первой четверти V в.

до н.э. Борьба с персидским вторжением в Грецию», исследуются проблемы, связанные с участием Коринфа, Мегар и Сикиона в отражении нападения державы Ахеменидов на Грецию. Первые десятилетия персидской экспансии в Элладу, вплоть до 481/80 г. до н.э. правящие круги Приистмийских полисов в отношениях с Ахеменидской державой занимали нейтральную и выжидательную позицию. Это обуславливалось как объективными, так и субъективными причинами: политическим партикуляризмом греческих полисов, трезвой оценкой собственных сил и возможностей, крайней удаленностью вероятного театра военных действий и, отчасти, политикой лидера тогдашнего эллинского мира, – Спарты. Однако осознание неотвратимости военного столкновения с Персией, и возможной угрозы собственной независимости заставили их изменить свою политику. Со времени складывания Панэллинской лиги в 481/0 г. до н.э. Приистмийские общины становятся членами антиперсидской коалиции греческих государств.

Коринф, Мегары и Сикион сыграли одну из ведущих ролей во время кульминационного момента греко-персидских войн – вторжения войск царя Ксеркса на территорию Балканской Греции 480 – 479 гг. до н.э. Доказательством этому не только служит их существенный вклад в объединенное греческое войско и флот, уступавший только более мощным Афинам и Спарте, но и участие коринфских, мегарских и сикионских контингентов во всех значимых сражениях войны – у Артемисия, при Саламине, Платеях и у мыса Микале.

Вторая глава «Коринф, Мегары и Сикион в 478 – 404 гг. до н.э.» посвящена анализу проблем политического развития Приистмийских полисов с окончания похода Ксеркса в Грецию до завершения Пелопоннесской войны.

В первом параграфе «Приистмийские полисы во время Пентеконтаэтии» рассматриваются основные проблемы политической истории Коринфа, Мегар и Сикиона в период развернувшейся в 478 – 431 гг. до н.э. борьбы между Спартой и Афинами за гегемонию в Греции. Отдельное внимание уделяется вопросам, связанным с участием Приистмийских полисов в первой Пелопоннесской войне. Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что коринфяне и мегарцы оказали значительное влияние на развязывание военных действий.

В конце 60-ых гг. V в. до н.э. попытки коринфян упрочить свое положение на Истме, натолкнулись на сопротивление мегарцев, которых поддерживали афиняне. Действия Коринфа спровоцировали выход Мегар из состава Пелопоннесского союза и подтолкнули их к заключению договора с Афинами. Энергичные меры афинян по укреплению такого важного в стратегическом плане плацдарма как территория Мегариды (строительство «длинных стен» от Мегары до Нисеи, введение афинских гарнизонов во все города и порты Мегариды), безусловно, носили агрессивный характер по отношению к коринфянам и другим пелопоннесцам. Таким образом, приграничный конфликт между Коринфом и Мегарами перерос в войну между Пелопоннесским союзом и Афинами.

На начальном этапе первой Пелопоннесской войны именно Приистмийские полисы проявляли наибольшую активность. Вплоть до 457/6 г. до н.э. инициатива в ведении боевых действий принадлежала не Спарте, а Коринфу. Однако коринфянам и их пелопоннесским союзникам не удалось захватить Мегариду. Напротив, афиняне, используя мегарский плацдарм, сумели нанести своим соперникам ряд существенных поражений, поставив тем самым пелопоннесцев, в том числе коринфян и сикионцев, в

затруднительное положение. Коринфяне были вынуждены усилить нажим на Спарту, дабы подтолкнуть ее к более активным действиям. Тем не менее, затяжной характер войны, вынудил противников заключить перемирие в 451 г. до н.э., по которому афиняне сохраняли контроль над Мегаридой.

Затем исследуются проблемы афинского влияния в Мегарах. Делается вывод, что афиняне фактически оккупировали Мегариду. И хотя изменений в политическом строе Мегар не произошло, у власти по-прежнему оставались олигархи, над полисом нависла реальная угроза потери независимости. Политика Афин вызывала все большее недовольство у мегарян. В 446 г. до н.э. мегаряне при помощи пелопонесских союзников (коринфян, сикионцев и эпидаврян) поднимают восстание, уничтожают афинский гарнизон, расположенные Мегарах и выходят из состава Афинской архэ. В этом же году мегаряне восстановили членство в Пелопоннесском союзе. Последующие боевые действия приведут к заключению Тридцатилетнего мира, одним из условий которого станет возвращение контролируемых афинянами мегарских гаваней Нисеи и Паг. Восстание мегарян и избиение афинских гарнизонов послужит причиной нового витка мегаро-афинского антагонизма.

Во **втором параграфе** «Коринф, Мегары и Сикион накануне Пелопоннесской войны» разбираются и анализируются события кризиса 30-ых гг. V в. до н.э., приведшие к Пелопоннесской войне. Исследуются вопросы взаимоотношений Приистмийских полисов, главным образом Коринфа и Мегар с Афинами, а также выявляется их роль в нагнетание напряженной обстановки в Греции перед Пелопоннесской войной.

Политика Коринфа, Мегар и Сикиона накануне Пелопоннесской войны отличалась. В 30-е гг. V в. до н.э. Коринф и Мегары, поддерживая

друг друга, вступили в острую конфронтацию с афинянами. Главной причиной коринфо-афинского конфликта, безусловно, является имперская политика Афин по расширению своего влияния в северо-западной Греции и Фракийском побережье, которая выразилась в заключении союза с извечным врагом коринфян – Керкирой, и жестоких санкциях в отношении единственной коринфской колонии в Эгеиде – Потидеи. Все эти акции несли прямую угрозу интересам и безопасности коринфян. Источником напряженности в мегаро-афинских отношениях были многочисленные обоюдные враждебные действия, проявлявшиеся после событий 446 г. до н.э. Наиболее широкий резонанс, главным образом в общественном мнении, получила, так называемая «Мегарская псефизма» – декрет, принятый афинянами в 433/32 гг. до н.э., вводивший экономические санкции против мегарян. Так как самостоятельно решить данные проблемы самостоятельно ни коринфяне, ни мегаряне были не в силах, им пришлось обращаться к союзникам по Пелопоннесской лиге и в первую очередь к Спарте, с требованием защиты своих интересов и недопущения усиления Афин.

В Сикионе в отличие от Мегар и Коринфа на действия афинян смотрели равнодушно. Столь пассивная позиция Сикиона, судя по всему, объясняется тем, что сикионское правительство действовало с большой оглядкой на Спарту, которая, как известно, в это время также бездействовала, предпочитая соблюдать условия Тридцатилетнего договора.

На основе анализа обстановки накануне Пелопоннесской войны делается вывод о том, что коринфо-афинский и мегаро-афинский конфликты обострили и без того сложную ситуацию в Греции и оказали значительное влияние на развязывание боевых действий весной 431 г. до н.э., тем самым сделав войну неизбежной.

В третьем параграфе «Пелопоннесская война и Приистмийские полисы» анализируются проблемы связанные с участием Коринфа, Мегар и Сикиона в Пелопоннесской войне. Во время Архидамовой войны (431 – 421 гг. до н.э.) Приистмийские полисы оказались в самом центре военных событий и вели активную борьбу против Афин и их союзников, а их военные контингенты и флот принимали участие во всех значимых сражениях данного периода. В наиболее тяжелом положении из-за постоянных вторжений афинян оказались мегаряне, которые к 424 г. до н.э. стояли на грани полного поражения. Стратегическая значимость территории Мегариды заставила Пелопоннесских союзников предпринять энергичные меры по исправлению ситуации. Армии под командованием Брасида в том же 424 г. до н.э. удалось предотвратить отпадение Мегар от Пелопоннесского союза.

Заключение Никиевого мира, а затем и союза между Спартой и Афинами весной 421 г. до н.э., вызвало недовольство среди многих влиятельных союзников Спарты. Коринф и Мегары, в отличие от более послушного воле лакедемонян Сикиона, отказались подписать мир на предложенных условиях, так как потери, понесенные ими во время Архидамовой войны, никак не компенсировались. В отличие от мегарян, занимавших выжидательную позицию, из-за опасений открытой конфронтации со Спартой, коринфяне прилагают максимум усилий, чтобы расколоть только что созданный Афино-Спартанский союз и возобновить войну. Их активная дипломатическая деятельность: заключение самостоятельных двусторонних оборонительных договоров с Аргосом, Элидой, Мантинеей, и попытки привлечения в союз Мегар и Фив, не принесла результатов. Подписание в 420 г. до н.э. антиспартанского по сути договора между Аргосом, Афинами, Мантинеей и Элидой, заставило коринфян отказаться от своих планов и искать пути

сближения со Спартой. После ухудшения афино-спартанских отношений в 416 г. до н.э. коринфяне объявляют войну Афинам, втянув тем самым в конфликт и остальных членов Пелопоннесского союза. Однако в последующие периоды войны действия Приистмийских полисов были эпизодическими.

Военные потрясения оказали влияние на внутривнутриполитическую обстановку в некоторых полисах Коринфского перешейка. Около 426/5 г. до н.э. в результате государственного переворота в Мегарах была установлена демократия, но уже в 424 г. до н.э. при помощи войск Брасида демократию сменила узкая олигархия. В Сикионе в 418 г. до н.э. лакедемонянами умеренный олигархический режим был заменен на более удобную спартанцам узкую олигархию, где вся власть принадлежала узкому кругу лояльных и преданных Спарте людей. В Коринфе изменения характера политического строя не отмечаются.

Несмотря на то, что Приистмийские полисы по итогам войны оказались в стане победителей, никаких территориальных и материальных приобретений это не принесло. Главным итогом Пелопоннесской войны для Коринфа, Мегар и Сикиона стало снижение их военной мощи, влияния в Пелопоннесском союзе и на международной арене. Мегары и Сикион окончательно превращаются во второстепенные полисы.

В третьей главе «Приистмийские полисы в эпоху поздней классики» рассматриваются проблемы политического развития Коринфа, Мегар и Сикиона с 404 г. до н.э., времени завершения Пелопоннесской войны, до потери Приистмийскими общинами своей самостоятельности в результате включения их в 338 г. до н.э. в Греко-македонскую державу Филиппа II.

В первом параграфе «Коринф, Мегары и Сикион во время Спартанской

гегемонии (404 – 371 гг. до н.э.)» выявляются наиболее характерные особенности политики Приистмийских полисов во время Спартанской гегемонии, а также дан разбор внешней политики Приистмийских полисов накануне и во время Коринфской войны. Действия Спарты по укреплению и расширению своего господства в греческом мире вызвали рост антиспартанских настроений среди ее союзников. Политическая победа «партии войны» внутри Коринфского полиса, стала залогом изменения его внешней политики от союза со Спартой к конфронтации. Заключив в 395 г. до н.э. союз с Фивами, Афинами и Аргосом коринфяне примут активное участие в войне против Спарты (Коринфская война). Радикальный разрыв со Спартой сказался и на внутривнутриполитическом развитии Коринфа. Большим событием в политической жизни полиса явилось возникновение новой, несвойственной олигархическому Коринфу, демократической оппозиции. В 392 г. до н.э. демократы, заручившись поддержкой аргивян, совершили государственный переворот, а чтобы укрепить свою власть вступили в тесную унию с демократическим Аргосом и осуществили инкорпорацию своего города в Аргосское государство. Демократия продержалась в Коринфе недолго, уже в 387/6 г. до н.э. по условиям Анталкидова мира коринфским олигархам с помощью Спарты удалось вернуть власть в полисе, однако их положение значительно отличалось от прежнего. Отныне отношения между Коринфом и Спартой не были партнерскими и равными, а характеризовались практически полным подчинением коринфян воли лакедемонян.

Мегарский полис, ослабленный Пелопоннесской войной, и низведенный до ранга второстепенного, как кажется, сумел обрести внутривнутриполитическую стабильность при умеренном олигархическом режиме.

Произошли изменения и во внешней политике Мегар. Трезвая оценка своих скромных возможностей, заставила мегарское правительство искать компромиссные варианты в межполисных отношениях, склоняться не к конфронтации, а к политике нейтралитета. Мегары не примут участия в Коринфской войне, ни на стороне Спарты, ни на стороне анτισпартанских сил, предоставляя лишь свободный проход всем воинским контингентам через свою территорию.

Сикион, в отличие от своих соседей, к первой четверти IV века до н.э. фактически потерял самостоятельность, превратившись в вассала Спарты. Так что, его внутренняя и внешняя политика находилась в полной зависимости от лакедемонян и лежала в русле политики Спарты.

Второй параграф «Приистмийские полисы во время возвышения Фив (371 – 362 гг. до н.э.) посвящен анализу проблем истории Коринфа, Мегар и Сикиона в период краткосрочной гегемонии Фив в Греции, дается характеристика внутривполитическому и внешнеполитическому развитию полисов, а также определяются причины коренных изменений в политике Коринфа и Сикиона в это время. Поражение Спарты в сражении у Левктр привело к обострению внутривполитической обстановки в Приистмийских государствах. На рубеже 70-ых – 60-ых гг. IV в. до н.э., демократическая оппозиция в полисах Коринфского перешейка попыталась совершить государственный переворот. Но и в Коринфе, и в Сикионе, и в Мегарах олигархам удалось подавить демократическое движение и предотвратить внутреннюю революцию. Вместе с тем, мятежи в Коринфе и Сикионе, обнажили серьезный кризис олигархического режима в этих полисах, не имеющего социальной опоры, а как следствие, и малейшего намека на былую стабильность. В Мегарах, как следует из источников, складывается

иная ситуация. Здесь олигархическое правительство пользовалось доверием населения и чувствовало себя более уверенным, прочно держа власть в своих руках. Во внешней политике Приистмийских полисов в первые годы после Левктр изменений не отмечается, коринфяне и сикионцы продолжали поддерживать лакедемонян в их борьбе против анτισпартанской коалиции, возглавляемой Фивами (именно коринфяне способствовали заключению союза между Спартой и Афинами в 370/69 г. до н.э.), а мегаряне по-прежнему придерживались нейтралитета.

Вторжения беотийцев, перенесших в 369 г. до н.э. боевые действия на территорию Пелопоннеса, станут катализатором перемен, как во внешней, так и внутренней политике Сикиона и Коринфа. Летом 369 г. до н.э. сикионцы, область которых была полностью захвачена армией Эпаминонда, будут вынуждены отложиться от Спарты и заключить союз с Фивами. В 368/7 г. до н.э., выходцем из знатного сословия Эвфроном при помощи аркадян и аргивян был совершен государственный переворот. В Сикионе сначала была провозглашена демократия, а затем Эвфрону, опиравшемуся на наемные войска и народные низы, удалось добиться тиранической власти в полисе. Однако, тирания в Сикионе продержалась недолго и в 365/64 г. до н.э. пала под ударами олигархической оппозиции.

В политике Коринфа изменения не были столь радикальными как в Сикионе. Длительная и безрезультатная война на собственной территории с беотийскими войсками, а также выход в 365 г. до н.э. из состава антифиванской коалиции Афин, поставили Коринф на грань поражения. Коринфяне больше не могли продолжать борьбу на стороне Спарты и в том же году будут вынуждены заключить сепаратный мирный договор с Фивами, на условиях признания противоборствующими сторонами

нейтралитета Коринфа. После этого Коринф навсегда потеряет былые позиции на греческой политической арене. Не отличалась стабильностью и внутривластная обстановка в Коринфе, вылившаяся в борьбу между различными олигархическими группировками, опиравшимися на наемные отряды и народные низы. Ярким примером этой борьбы является неудачная попытка установления тиранического режима в Коринфе Тимофаном.

Среди Приистмийских полисов изменения не коснулись лишь Мегар, которые придерживаясь политики нейтралитета, сумели сохранить внутреннюю стабильность.

В **третьем параграфе** «Коринф, Мегары и Сикион в 50-е – начале 30-ых гг. IV века до н.э. Подчинение Приистмийских полисов Македонской державе Филиппа II» представлено политическое положение государств Коринфского перешейка на завершающем этапе их развития как независимых полисов, а также рассматриваются взаимоотношения Коринфа, Мегар и Сикиона с Македонской монархией. Анализ имеющихся источников позволяет сделать вывод о том, что во внешней политике после 362 г. до н.э. правящие круги Приистмийских полисов придерживаются принципа нейтралитета и невмешательства в многочисленные междоусобные конфликты. Такая внешнеполитическая линия обусловлена с одной стороны низким военным потенциалом Коринфа, Мегар и Сикиона, а с другой стороны, стремлением олигархических правительств поддерживать внутреннюю стабильность в полисах. Несмотря на то, что им удалось остаться в стороне от крупнейшего столкновения того времени – третьей Священной войны (356 – 346 гг. до н.э.), полностью избежать участия в локальных стычках не получилось. В 352 г. до н.э. сикионцы вступают в войну на стороне Мегалополя против Спарты. К этому же времени относится

и новый виток напряженности в мегаро-афинских отношениях из-за спорной пограничной территории, вылившийся в вооруженный конфликт 352 – 350 гг. до н.э., в котором потерпевших поражение мегарян поддерживали коринфяне.

После Филократова мира 346 г. до н.э. в связи с резким изменением политической обстановки в Элладе из-за активизации действий македонского царя Филиппа II по распространению своего влияния на области центральной Греции и Пелопоннеса, Приистмийские полисы впервые сталкиваются с македонской угрозой. На начальном этапе это выражалось в попытках установления в Мегарах и Сикионе подконтрольных македонянам правительств и захвате коринфских колоний на Адриатическом побережье. В Сикионе старания Филиппа II увенчались успехом, так как здесь в 40-ых гг. IV в. до н.э. был установлен промакедонский тиранический режим Аристрата, что фактически означало подчинение полиса Македонии. В Мегарах и Коринфе действия Филиппа II вызвали яростное сопротивление. Путч 344 – 343 годов до н.э. промакедонской фракции в Мегарах провалился, а коринфянам в 343/2 г. до н.э. удалось отстоять свои колонии Амбракию и Левкаду. С конца 40-ых гг. IV в. до н.э. Коринф и Мегары занимают твердую антимакедонскую позицию, заключают союз с Афинами и ведут вооруженную борьбу против македонян. Но после битвы у Херонеи в 338 г. до н.э. Коринф и Мегары, вслед за другими полисами признают власть македонского царя в своих полисах. На этом самостоятельное развитие Приистмийских полисов завершается.

В заключении подводятся основные итоги исследования, сделаны обобщения и выводы.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Шаталов, А.В. Коринф, Мегары и Сикион накануне Коринфской войны: особенности внутренней и внешней политики / А.В. Шаталов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Научный журнал. № 118. – СПб., 2009. – С. 82 – 88 (0,7 п.л.).
2. Шаталов, А.В. История полисов Коринфского перешейка в зеркале историографии / А.В. Шаталов // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы IV Международной научно-практической конференции: В 3 Т. / Отв. ред. О.Г. Вронский. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009. – Т. 1. С. 153 – 158 (0,3 п.л.)
3. Шаталов, А.В. К вопросу о политическом строе полисов Коринфского перешейка после падения Спартанской гегемонии / А.В. Шаталов / / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. № 10. – М., 2009. – С. 107 – 109 (0,3 п.л.).
4. Шаталов, А.В. Полисы Коринфского перешейка во время Персидского вторжения в Грецию / А.В. Шаталов // Классическая и византийская традиция. 2008: Материалы II Международного научно-практического семинара молодых ученых, аспирантов, студентов / Отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – С. 14 – 17 (0,25 п.л.).
5. Шаталов, А.В. К вопросу о вхождении полисов Коринфского перешейка в Пелопоннесский союз / А.В. Шаталов // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: Материалы IV региональной научно-практической конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых / Отв. ред. О.Г. Вронский. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н.

Толстого, 2008. – С. 364 – 366 (0,2 п.л.).

6. Шаталов, А.В. К вопросу о подчинении Мегарского полиса Македонской державе / А.В. Шаталов // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: Материалы III региональной научно-практической конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых / Отв. ред. О.Г. Вронский. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. – С. 275 – 278 (0, 25 п.л.).
7. Шаталов, А.В. Внешняя политика Мегарского полиса в V веке до н.э. / А.В. Шаталов / XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки: Материалы XIV Всероссийских чтений студентов, аспирантов, молодых ученых. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2005. – С. 110 – 111 (0,1 п.л.).